

СВЕРХЧЕЛОВѢКЪ (UBERMENSCH) НИЦШЕ И ЧЕЛОВѢКЪ ХРИСТА ¹⁾.

Съ нѣкотораго рода смущеніемъ приступаемъ мы къ предмету настоящаго чтенія ²⁾. Говорить въ публичномъ собраніи о Ницше,—философъ, котораго нерѣдко называютъ сумасшедшимъ и который, дѣйствительно, самыя важныя сочиненія создалъ въ періодъ своей начавшейся психической болѣзни,—говорить о такомъ философѣ—не будетъ ли дерзостью со стороны лектора? Но не одна печальная, личная судьба его смущаетъ насъ,—смущаетъ еще самый способъ философствованія Ницше и крайне парадоксальный характеръ его ученія. Ницше не оставилъ намъ какой либо стройной, систематически законченной философіи и даже заявлялъ о себѣ, что онъ есть врагъ всякой систематизаціи. Затрогивая всѣ вопросы, принадлежащіе къ области философіи, онъ излагалъ свои сужденія въ формѣ краткихъ, бле-

1) Публичное богословское чтеніе, состоявшееся 5-го марта сего 1901 года въ залѣ Синодальнаго училища, въ Москвѣ на Никитской.

2) При изложеніи философіи Ницше, авторъ имѣлъ подъ руками слѣдующія сочиненія: изъ произведеній Ницше въ русскомъ переводѣ 1) „Такъ говорилъ Заратустра“, переводъ Арс. Введенскаго и Васильева. Москва 1900 г. 2) „По ту сторону добра и зла“ перев. подъ редакціей А. Н. Е-ва. Москва 1900 г. 3) „Помраченіе кумировъ“, изд. Ефимова. Москва 1900 г.—За неимѣніемъ подъ руками прочихъ сочиненій Ницше, авторъ пользовался выдержками изъ нихъ на основаніи слѣдующихъ статей: *В. П. Преображенскаго*, Фридрихъ Ницше. Критика морали альтруизма. Вопросы философіи и психологіи 1892 г. кн. 15. *Людвига Штейна*, Фридрихъ Ницше и его философія. Критико-біографическій очеркъ. Перев. съ нѣмецкаго Бердаева. Міръ Божій 1898 г. №№ 9—11. *Н. К. Михайловскаго*, Литературныя воспоминанія и современная смута т. II. СПБ. 1900 г.

щущихъ остроуміемъ, изяществомъ и совершенствомъ стилиафоризмовъ. Оттого въ его сочиненіяхъ, кромѣ отсутствія системы, читатель постоянно наталкивается на противорѣчія, часто непримиримыя. Эта манера философствованія можетъ подать поводъ къ заключенію, что въ существѣ самаго мышленія Ницше скрывается уже смертный грѣхъ, какой-то органическій порокъ, имѣющій своимъ слѣдствіемъ характеризующую Ницше распушенность и своеволие мысли.

Тѣмъ не менѣе о Ницше говорить необходимо,—и теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Ницше создалъ *ницшеанство*; его послѣдователями кишитъ современная общественная атмосфера; идеи Ницше фигурируютъ и въ устныхъ разговорахъ, и типахъ беллетристики, и въ живыхъ образахъ дѣйствительной жизни. Въ своемъ отечествѣ Ницше создалъ о себѣ уже цѣлую литературу; онъ имѣетъ не малое число приверженцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые доходятъ въ своемъ поклоненіи, какъ говорится, до геркулесовыхъ столбовъ. Такъ одинъ изъ приверженцевъ не постѣснился заявить о себѣ въ такомъ родѣ: „Я томился въ поискахъ за новымъ божествомъ... и нашелъ его въ лицѣ Фридриха Ницше“ (М. Б. 1898 г. № 11 стр. 78). И въ нашемъ отечествѣ, въ особенности за послѣднее время по поводу своей смерти, Ницше заставилъ говорить о себѣ много. Наконецъ вопросы, поставленные имъ, столь важны для человѣческаго общежитія, и рѣшенія, на нихъ предложенныя, столь радикальны, смѣлы и своеобразны, что невольно дразнятъ наше любопытство и заставляютъ глубже всмотрѣться въ нихъ и дать такой или иной отчетъ.

I.

Нѣтъ предмета ни въ сферѣ теоретической, ни въ области практической, какого бы не касалась философія Ницше. Вопросы религіи, философіи, морали, искусства, науки, политики, всякаго рода явленія общественной и частной жизни—все это проходитъ предъ мысленнымъ взоромъ читателя сочиненій Ницше, принимая самыя разнообразныя, причудливыя формы: читатель какъ будто смотритъ въ калейдоскопъ и невольно заинтересовывается безконечною игрою и ком-

бинаціей развертывающихся предъ нимъ самыхъ разнообразныхъ, свѣтовыхъ явленій.

Изъ всего этого великаго разнообразія предметовъ мы намѣрены сосредоточить свое вниманіе только на вопросахъ морали; но и въ этой послѣдней мы подвергнемъ разбору главнымъ образомъ его ученіе о „сверхчеловѣкѣ“, составляющее центральный пунктъ всей его морали. Однако прежде чѣмъ приступить къ этой цѣли, считаемъ полезнымъ хотя кратко ознакомить съ личностію его самого и отмѣтить характеристическія особенности его духовнаго облика, чтобы знать, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло.

Предъ нами человѣкъ средняго роста, никогда не дозволявшій себѣ небрежности въ своей одеждѣ, съ спокойными чертами лица и выразительными тонкими линіями рта, съ глазами, хотя и страдавшими крайнею близорукостію, но устремленными куда-то въ безконечную даль и какъ будто углубленными внутрь. Ницше отличался осторожной, задумчивой походкой, тихимъ смѣхомъ, скромной, ровной бесѣдой и изящными манерами. Но этотъ спокойный, тихій, выдержанный человѣкъ тотчасъ же преобразался, какъ только подходилъ къ своему письменному столу, обращаясь въ какого-то разбойника мысли и пера. Тутъ онъ въ своихъ отношеніяхъ къ самымъ признаннымъ авторитетамъ является крайне нецеремоннымъ: Сократа онъ называетъ „шуткомъ гороховымъ“, Спинозу упрекаетъ въ составленіи „душевныхъ ядовъ“ и „лжемудрованій“, Кантъ—„самый дикій психоантъ“, „тартюфъ“, или „китайскій мудрецъ изъ Кенигсберга“, старыя и новыя вѣрованія Штрауса именуетъ „кабацкимъ евангеліемъ“, Дарвина низводитъ „въ посредственные умы“. Крайне грубы его нападки на религію и христіанство, которое онъ называетъ „метафизикой палача“, являющейся для человѣчества „величайшимъ несчастіемъ“.

Внѣшняя жизнь Ницше не изобилуетъ разнообразіемъ фактовъ и какими либо знаменательными событіями. Родившись 15 октября 1844 года, онъ уже 24 лѣтъ, не имѣя еще докторской степени, былъ приглашенъ профессоромъ въ Базель, гдѣ онъ занималъ эту должность до 1878 года, когда разстроенное здоровье (ужасныя головныя боли) заставили его покинуть педагогическое поприще. Съ этого времени онъ занялся исключительно литературною дѣятельностію, въ

которой чувствуется какая-то лихорадочная поспѣшность. Не смотря на частые, сильные пароксизмы головной боли, онъ издастъ сочиненія одно за другимъ, и этому періоду своей дѣятельности онъ обязанъ главнымъ образомъ своею извѣстностію. Въ началѣ 1889 г. Ницше постигаетъ катастрофа, наступленіе которой его друзья уже предчувствовали давно: свѣтъ сознанія погасъ въ Ницше, и онъ сталъ потеряннымъ для міра.

Напрасно враги Ницше, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, стараются эксплуатировать этотъ фактъ въ свою пользу, доказывая, что сочиненія его носятъ всѣ слѣды патологическаго характера, какъ произведенія человѣка, уже давно утратившаго цѣлостность здоровой психической жизни. Люди, болѣе безпристрастные, не относящіеся притомъ и къ поклонникамъ Ницше, судятъ объ этомъ фактѣ иначе: „Мнѣ, говоритъ одинъ изъ нихъ, противно пользоваться этимъ печальнымъ удручающимъ явленіемъ, какъ примѣромъ въ пользу вопроса о „Геніи и помѣшательствѣ“, который разсматривается на разные лады еще со временъ Аристотеля до Вильгельма Дильтея и Ломброзо. Мною всегда овладѣваетъ отвращеніе, когда приходится читать и слышать грубые толки о „паденіи“ Ницше, когда люди, не подверженные опасности лишиться того, чего лишился Ницше, уже потому хотя бы, что имъ нечего лишиться, пытаются по косточкамъ разбирать сочиненія Ницше и бредятъ объ ихъ патологическомъ характерѣ. Истиннымъ знатокамъ Ницше я долженъ указать на то, что даже послѣдніе труды его — предисловіе къ „Götzendämmerung“, отмѣченное числомъ 30-го сентября 1888 года, „Dionysos Dithyrambe“, появившееся осенью 1888 г., и присоединенное къ послѣдней части „Also sprach Zarathustra“, также мало заключаютъ въ себѣ признаковъ предстоящей уже въ скоромъ времени катастрофы, какъ и любое произведеніе 80-хъ годовъ. Какъ разъ въ своемъ послѣднемъ сочиненіи: „Götzendämmerung“ онъ стоитъ на самой высотѣ своего литературнаго творчества“. (М. Б. 1898 г. № 9 стр. 78).

По изображенію біографовъ, Ницше обладалъ самыми разнообразными талантами. „Въ Ницше, говоритъ одинъ изъ нихъ, жили рядомъ, тирания другъ друга, музыкантъ съ высокимъ дарованіемъ, свободный мыслитель, религіозный геній и по-

этъ по природѣ“ (Помрач. Кум. стр. 302). Но прежде всего, онъ, разумѣется, свободный мыслитель и въ частности моралистъ, хотя самъ онъ ни въ какомъ случаѣ не желаетъ причислять себя къ этому разряду философовъ, такъ какъ, по его убѣжденію, „ничто не встрѣчается такъ рѣдко среди моралистовъ и аскетовъ, какъ справедливость“ (Помрач. Кум. стр. 113); между тѣмъ какъ философъ долженъ быть совѣстію своего времени“ (ibid стр. 5). Но такъ какъ Ницше главнымъ образомъ расположенъ заниматься вопросами морали и даже начерталъ намъ образъ, по его мнѣнію, будущаго совершеннѣйшаго человѣка, то онъ по мимо своей воли становится въ рядъ философовъ моралистовъ, хотя его мораль и идеаль совершеннѣйшаго человѣка носятъ на себѣ совершенно, такъ сказать, экстраординарный характеръ и рѣзко отличаются отъ всего, что мы привыкли соединять съ этимъ именемъ въ своемъ представленіи.

Какъ философъ, Ницше, по своему направленію, принадлежитъ къ разряду тѣхъ мыслителей, которые ограничиваютъ свой взоръ одною землею и рѣзко возстаютъ противъ всего метафизическаго, сверхъопытнаго, отвлеченнаго и мистическаго. „Однажды, говоритъ Ницше устами своего Заратустры, направилъ я свои мысли по ту сторону человѣка, подобно всѣмъ мыслящимъ о другомъ мірѣ. Въ дѣйствительности ли по ту сторону человѣка? Ахъ, братья, это божество, созданное мною, было дѣломъ человѣка и безумія, подобно всѣмъ богамъ! Онъ былъ человѣкомъ, и лишь бѣдной частицей человѣка и „я“: изъ собственнаго пепла и пламени явился мнѣ этотъ призракъ, и во истину не явился онъ мнѣ изъ инаго міра!... „Мое Я научило меня новой гордости, которой я учу людей: не зарывать болѣе голову въ песокъ небесныхъ дѣлъ, а носить ее свободно, какъ принадлежащую землѣ и создающую смыслъ земли!“ (Такъ гов. Зар. стр. 28—29). „По моему, братья мои, слушайте лучше голоса выздоровѣвшаго тѣла: это болѣе честный и чистый голосъ“. (ibid стр. 30) „Я молю васъ, братья мои, будьте вѣрными землѣ и не довѣряйте говорящимъ вамъ о надземныхъ надеждахъ. Они—отравители, безразлично, — сознаютъ они это, или нѣтъ“. (Такъ говор. Зар. изд. Ефимова 1899 г. стр. 9).

Но обращая свой взоръ исключительно на землю, Ницше

не видить здѣсь ничего, кромѣ царства одного неизмѣннаго закона. По его космическимъ представленіямъ существуетъ опредѣленный циклъ, вѣчно приводящій все живущее и существующее въ то положеніе, въ какомъ оно было когда-то и въ какомъ оно будетъ при слѣдующемъ оборотѣ колеса безконечности. Самая жизнь міра заключается ни въ чемъ иномъ, какъ постоянномъ вѣчномъ возвращеніи всѣхъ вещей къ тому состоянію, въ которомъ они находились ранѣе. „О, Заратустра, говорятъ ему звѣри:... ты учитель вѣчнаго возвращенія... Мы знаемъ, чему ты учишь: именно, что вещи вѣчно возвращаются и мы сами съ ними, и что мы уже вѣчно были и всѣ вещи вмѣстѣ съ нами... Я снова возвращусь, съ этимъ солнцемъ, съ этой землей, съ этимъ орломъ, съ этой змѣею — не къ новой, не къ лучшей и не къ подобной жизни: я вѣчно буду возвращаться къ этой же самой жизни, какъ въ величайшемъ, такъ и въ самомъ маломъ, чтобы снова учить о вѣчномъ возвращеніи всѣхъ вещей... (Такъ говор. Зарат. стр. 244). Въ частности *человѣкъ* есть индивидуумъ, но только особаго рода. Это—не существо, содержащее въ себѣ цѣль въ самомъ себѣ и потому направляющее свою дѣятельность къ концу. Нѣтъ, по представленію Ницше, „индивидуумъ—это родъ *fatum*'а, спереди и сзади, новый законъ и новая необходимость для всего, что наступитъ и что будетъ. Сказать ему: „перемѣнись“—это значить требовать, чтобы все перемѣнилось, даже пошло назадъ“... (Помрач. Кум. стр. 254). Поэтому, и о *свободѣ воли* Ницше рассуждаетъ такъ: „понятіе о свободной волѣ—это самая хитрая выдумка для того, чтобы сдѣлать *человѣка* отвѣтственнымъ за свои поступки“.. (ibid. стр. 270). „Ученіе о волѣ придумано главнымъ образомъ съ цѣлію наказанія, т. е. изъ *желанія найти виновнаго*... мы, продолжаемъ онъ, неморалисты, изо всѣхъ силъ стараемся снова уничтожить въ мірѣ понятіе о виновности и понятіе о наказаніи и очистить отъ нихъ психологію, исторію, природу, общественныя учрежденія и постановленія“... (ibid. стр. 271). „Въ чемъ же однако наше ученіе?“ спрашиваетъ Ницше самого себя. „Въ томъ, отвѣчаетъ онъ, что никто не даетъ *человѣку* его свойствъ,—ни общество, ни его родители и предки, ни онъ самъ себѣ. Никто не отвѣтствененъ за то, что онъ вообще живетъ на свѣтѣ, что созданъ такъ или иначе, что

находится въ извѣстныхъ обстоятельствахъ и въ извѣстной обстановкѣ. Роковую судьбу его существа нельзя отдѣлить отъ роковой судьбы всего того, что было и что будетъ. Онъ не есть слѣдствіе какого нибудь замысла, какой нибудь воли и цѣли; въ немъ мы не видимъ попытки достичь „идеальнаго человѣка“, или „идеальнаго счастья“, или же „идеальной нравственности“,—было бы нелѣпо приурочить его существо къ какой нибудь цѣли. Мы сами выдумали понятие о „цѣли“; въ дѣйствительности нѣтъ никакой цѣли... Мы необходимы, мы представляемъ собою что-то роковое, принадлежимъ къ цѣлому, живемъ въ этомъ цѣломъ—нѣтъ ничего, что могло бы направлять наше бытіе, измѣрить его, сравнить, осудить... Въ цѣлаго не существуетъ ничего!—Что никто уже болѣе не отвѣтственъ, что этотъ родъ бытія не можетъ быть отнесенъ къ *causa prima*, что міръ составляетъ одно цѣлое, но ни какъ чувственное и ни какъ духовное представленіе,—вотъ въ чемъ именно и заключается *великое освобожденіе*,—этимъ и возобновляется вновь *невозможность бытія*“ (ibid. 272—273).

Итакъ, отрицается смыслъ всякаго существованія, всякой дѣятельности, всякой борьбы. Къ чему тогда трудиться, задаваться разными цѣлями? Зачѣмъ тогда и самому Ницше писать цѣлые томы сочиненій? Разражаться громомъ негодованія противъ современнаго общественнаго нравственнаго строя, если попытка измѣнить что нибудь можетъ вызвать только горькую усмѣшку? Но въ силу какого-то невѣроятнаго противорѣчія самому себѣ Ницше, не смотря на свои тѣлесные недуги, которые повергали его въ самое безнадежное состояніе, посвящаетъ свою жизнь критикѣ всего существующаго, пересматриваетъ всѣ вопросы религіи, философіи, науки и жизни, создаетъ новые идеалы, ставитъ человѣчеству новыя цѣли. Вопреки высказанному имъ воззрѣнію о фатальной необходимости міроваго порядка, Ницше питается надеждою на *иное* теченіе вещей и явленій въ мірѣ: „Ахъ, восклицаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ, если бы мы только знали, какъ близко то время, когда въ мірѣ все пойдетъ по иному“ (По ту стор. добра и зла, стр. 174). Вопреки только что высказанному утвержденію, что въ мірѣ царитъ желѣзная необходимость и отсутствие всякихъ цѣлей, Ницше, подобно Шопенгауеровской „Волѣ“, полагаетъ въ основу

всего сущаго *жажду власти и могущества*. „Міръ, разсматриваемый съ внутренней стороны, говоритъ Ницше, міръ, опредѣленный и обозначенный ясными чертами, былъ бы ничѣмъ инымъ, какъ только „волею, стремящеюся къ власти“ (По ту стор. д. и з. стр. 63).

Съ этой новой точки зрѣнія Ницше производитъ крушеніе всѣхъ существующихъ понятій, переоцѣнку всякихъ цѣнностей, а въ области морали ставитъ требованіе, обращенное къ философу,—усвоить себѣ совершенно особую точку зрѣнія, именно, стать по ту сторону добра и зла. „Вы говорите, замѣчаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ, что мораль состраданія выше морали стоицизма. Докажите это! Но замѣтите, что „выше“ и „ниже“ въ морали нельзя мѣрять нравственными же аршинами, ибо *абсолютной* морали не существуетъ. Слѣдоват.,—берите ваши мѣрила гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ“. (Преображ. Вопросы философіи и психологіи, кн. 15. 1892 г. стр. 128).

II.

Но что же заставило Ницше сообщить своей философской дѣятельности такой разрушительный характеръ? Что дало ему нравственное право и основаніе брызгать ядомъ своего пера на современное теченіе всѣхъ явленій человѣческой жизни? Основаніе и право на такое отношеніе Ницше видитъ въ современномъ состояніи человѣчества, которое (состояніе) воображенію его рисуется въ самыхъ мрачныхъ краскахъ: „Гдѣ найдемъ мы теперь, говоритъ онъ, что нибудь совершенное, дѣйствительно законченное, счастливое, мощное, торжествующее,—человѣка, который былъ бы *оправданіемъ* человѣка? Гдѣ найдемъ мы искупляющій счастливый примѣръ человѣка, ради котораго можно было бы сохранить *вѣру* въ человѣка? Человѣческая раса ухудшается... Въ этомъ измельчаніи и уравнианіи человѣчества заключается величайшая наша опасность, ибо видъ такого человѣчества утомляетъ. Мы не видимъ никого, кто стремился бы стать выше и величественнѣе; мы чувствуемъ, что все идетъ къ низу,—къ чему-то все болѣе тощему, болѣе добродушному, благоразумному, покойному и довольному, посредственному, равнодушному, китайскому; человѣкъ, разумѣется, дѣлается,

„лучше“. Но именно въ этомъ-то и состоитъ то величайшее несчастье, тотъ рокъ, который тяготѣетъ надъ человѣчествомъ. Со страхомъ предъ человѣкомъ мы потеряли и любовь къ нему, и благоговѣніе предъ нимъ, и надежду на него. Видъ человѣка утомляетъ теперь; въ чемъ же нынѣ и состоитъ нигилизмъ, какъ не въ этомъ? Мы *устали* отъ человѣка“... (Geneal. der Moral, 1, 11 — 12 по ст. Преображенскаго).

„Нѣтъ скорби, по словамъ Ницше, которая была бы такъ чувствительна, какъ увидѣть хоть разъ, угадать и почувствовать, какъ необыкновенный человѣкъ сходитъ съ своего пути и выражается. Но у кого взоръ достаточно чутокъ, чтобы увидеть ту общую опасность *вырожденія* человѣка вообще, кто познаетъ ту чудовищную случайность, которая до сихъ поръ играла будущностію человѣка, кто угадаетъ ту роковую опасность, которая кроется въ глупомъ простосердечіи и безобидности „идей современной цивилизаціи“, — да и вообще во всей христіанско-европейской морали, — тотъ будетъ страдать одной заботой и опасеніемъ, съ которыми нельзя сравнить никакихъ другихъ... „Общее вырожденіе человѣка, его измельчаніе до совершеннаго стаднаго животнаго, его превращеніе въ животное — карлика, съ одинаковыми правами и притязаніями, — все это конечно *возможно*.... Но кто хоть разъ продумаетъ до конца эту возможность, тотъ испытаетъ однимъ отвращеніемъ больше, чѣмъ прочіе люди, — и быть можетъ, увидитъ здѣсь *новую задачу* (Вопр. фил. и пс. стр. 143; По ту стор. д. и зла. стр. 203)“. Причину такого измельчанія человѣческой природы Ницше видитъ въ господствующихъ современныхъ нравственныхъ и метафизическихъ понятіяхъ. „Благодаря, говоритъ онъ, современному направленію и современной добродѣтели, воля слабѣетъ и расплывается... Въ настоящее время въ Европѣ въ чести одно только стадное животное чувство, и „равенство правъ“ очень легко можетъ перейти въ „равенство несправедливости“, или яснѣе — во всеобщее враждебное настроеніе противъ всего оригинальнаго, чужаго, обладающаго преимуществами вышшаго человѣка, вышей души, вышей обязанности, вышей отвѣтственности, творческой силы и превосходства“ (По ту стор. д. и зла стр. 168—169).... Въ долгой, тяжелой, исторической культурной работѣ, безсознательной и сухой,

человѣкъ воспиталъ *себя* изъ животнаго; много цѣпей было наложено на него, чтобы онъ отучился вести себя какъ звѣрь; и дѣйствительно, онъ сталъ мягче, духовнѣе, радостнѣе, разумнѣе, чѣмъ всѣ животныя. Но онъ страдаетъ еще тѣмъ, что онъ такъ долго носилъ свои цѣпи, что ему такъ долго не доставало чистаго воздуха и свободнаго движенія. Эти цѣпи — тяжелыя и многозначительныя заблужденія нравственныхъ, религіозныхъ и метафизическихъ представленій. Лишь тогда, когда преодоленъ будетъ эта болѣзнь цѣпей, будетъ достигнута первая великая цѣль: отдѣленіе человѣка отъ животныхъ“ (Преображ. Вопр. фил. и п-гін стр. 143).

Въ цѣляхъ разъясненія нашего вопроса о „сверхчеловѣкѣ“ интересно знать, какъ Ницше объясняетъ самое измельчаніе человѣка, приведшее послѣдняго къ такому безотрадному состоянію. Вѣдь, если человѣкъ въ настоящее время сталъ мелокъ и ничтоженъ, то, значитъ, существовало время, когда онъ былъ великъ и могущъ. И дѣйствительно, воображенію Ницше рисуются давнопрошедшія времена, привлекающія къ себѣ всѣ его симпатіи. „Мы теперь, говоритъ онъ, можемъ сказать категорически, какъ возникла высшая культура на землѣ. Люди, еще близкіе къ природному состоянію, варвары въ самомъ страшномъ значеніи этого слова, дикари, еще обладавшіе сильной жаждой могущества, нападали на болѣе слабыя, цивилизованныя и спокойныя расы, или на старыя, дряхлыя, культурныя племена, въ которыхъ остатки жизненной силы вспыхивали блестящими проблесками таланта и разврата. *Самой знатной кастой были въ началѣ эта каста варваровъ.*

„Оставаясь знатной расой, они не переставали быть дикарями, этими великолѣпными, жаждущими добычи и побѣды *блокурами бестіями*; отъ времени до времени должны были происходить проявленія этой скрытой энергіи, *звѣрь въ нихъ рвался наружу*, дикаря тянуло опять въ лѣсъ, — такъ было со знатію римлянъ, арабовъ, германцевъ, японцевъ, съ гомеровскими героями, скандинавскими викингамъ“. Эта-то лучшая раса, по мнѣнію Ницше, и была въ свое время законодательницею, выработавшею первоначальныя понятія „добраго“ и „злаго“, которыя однако же совершенно отличны отъ нашихъ. Понятіе „хорошаго“ установлено было вовсе не тѣми, которые испытывали что нибудь хорошее, какъ

это принимается англійскими психологами. Скорѣе эти сами „хорошіе“, т. е. знатные, могущественные, высокопоставленные и благородные, считали и заставили другихъ считать себя и свои дѣйствія хорошимъ, перворазряднымъ, въ противоположность къ низкимъ, неблагороднымъ, пошлымъ, къ черни. Этотъ дистанціонный паѳосъ (*Pathos der Distanz*) далъ имъ впервые въ руки право опредѣлять цѣнности и создавать ихъ... Продолжительное преобладающее общее основное сознание чего-то высшаго, господствующаго по отношенію къ низшему, къ „низу“ — вотъ гдѣ начало противоположности между понятіями „добра“ и „зла“. (Л. Штейнъ. М. Б. № 10. 98 г. стр. 61).

Но царство этой *блокурой бѣсти*, этихъ представителей могущества, знатности и благородства человѣческой природы, было не вѣчно. Платонъ въ области философіи, евреи въ исторіи были главными революціонерами нравственныхъ понятій, произведшими здѣсь положительный погромъ и разрушеніе прежнихъ идеаловъ. „Ничто изъ того, говоритъ Ницше, что на землѣ было предпринято противъ „знатныхъ“, „могущественныхъ“, „господъ“, „властелиновъ“, не достойно упоминаніе сравнительно съ тѣмъ, что сдѣлали противъ нихъ евреи, тотъ жреческій народъ, который сумѣлъ найти удовлетвореніе своей мести надъ врагами и побѣдителями лишь въ радикальной переоцѣнкѣ всѣхъ его цѣнностей, т. е. въ самой умной мести. Вѣдь это евреи рѣшились на извращеніе съ ужасною послѣдовательностію аристократическаго уравненія цѣнностей (хорошій=знатный=могущественный=прекрасный=счастливый=богоугодный) и съ безпредѣльною ненавистію (ненавистію слабыхъ) держались этого рѣшенія. Въ самомъ дѣлѣ, несчастные—лишь хорошіе люди, тогоже имени достойны лишь бѣдные, слабые, низкіе, страдающіе, терпящіе нужды; больные, безобразные также единственно благочестивы, ихъ только ожидаетъ блаженство... *Это извращеніе цѣнностей было началомъ рабскаго возстанія въ этикъ*, того возстанія, которое въ настоящее время имѣетъ за собою исторію двухъ тысячъ лѣтъ и которое потому у насъ исчезло изъ вниманія, что было *побѣдоносно*“ (М. Б. 1898 г. № 11 стр. 63). Господская мораль пѣла свою лебединую пѣснь въ діонисіевскомъ культѣ жизнерадостной, страстной къ наслажденіямъ Эллады и должна была уступить мѣ-

сто рабской морали, идеаль которой могъ быть формулированъ однимъ словомъ: *аскетизмъ*. „Въ то время какъ всякая высшая мораль вырастаетъ на почвѣ торжествующаго утвержденія „да“, рабская мораль всегда говоритъ только „нѣтъ“. Оптимизмъ и пессимизмъ, склонность къ наслажденіямъ и аскетизмъ, Римъ и Іудея вели другъ съ другомъ въ теченіи цѣлыхъ тысячелѣтій отчаянную борьбу, пока наконецъ Іудея не вышла изъ этой борьбы побѣдительною“ ¹⁾ (*ibid.* стр. 69).

¹⁾ Эта скоропалительная экскурсія въ область первобытной исторіи человечества и разрѣшеніе вопросовъ о происхожденіи нравственныхъ понятій однимъ взмахомъ пера, когда надъ изслѣдованіемъ ихъ трудятся многіе серьезные ученые, есть плодъ фантазіи и, по выраженію нѣкоторыхъ отечественныхъ критиковъ Ницше, представляетъ собою скорѣе „соціологическій романъ“, чѣмъ что либо научное. Въ самомъ дѣлѣ, если мы возьмемъ эпоху доисторическихъ временъ, то мы должны признать, что, не смотря на совокупныя усилія многихъ даровитыхъ ученыхъ, свѣтъ на эту эпоху не настолько разлитъ, чтобы тутъ можно было сказать много опредѣленнаго и положительнаго: возможны разнаго рода гипотезы, догадки, которые однакоже не даютъ ученому права утверждать что нибудь со всею несомнѣнностію. Что же касается временъ историческихъ, то нужно признать, что настоящее состояніе человечества, не смотря на всякаго рода язвы, которыя гноятся въ его семейной, общественной и государственной жизни, сравнительно съ давнопрошедшими временами, вовсе не находится въ такомъ безнадежномъ состояніи, какъ это думаетъ Ницше, и желать возвращенія человѣка въ его первобытное состояніе мы не имѣемъ никакого основанія,—не говоря уже объ умственномъ и нравственномъ ростѣ человечества, благодаря которому эпохи древнихъ временъ не могутъ выдержать никакого сравненія съ современными его состояніемъ. Правда звѣрь въ человѣкѣ далеко еще не укрошеиъ вполне и въ отдѣльныхъ случаяхъ,—то здѣсь, то тамъ,—проявляетъ свою разрушительную дѣятельность; но одно уже то, что эта послѣдняя не встрѣчаетъ общаго восторга и одобренія,—напротивъ въ лучшихъ представителяхъ человечества возбуждаетъ къ себѣ отвращеніе и стыдъ за достоинство человѣческой природы; равно какъ и то, что нынѣшніе звѣроподобные люди уже боятся общественнаго суроваго приговора и стараются всячески прикрыть и замаскировать свою неприглядную натуру,—все это говоритъ за то, что въ слѣдствіе нравственнаго прогресса, человечество не можетъ попятиться назадъ, что оно хотя медленно, но неуклонно движется впередъ. Рекомендовать попятное возвращеніе къ первобытному состоянію, — это такой абсурдъ, который не находитъ себѣ никакого оправданія ни въ теоріи, ни въ практикѣ. Самъ Ницше это понимаетъ очень хорошо. „На ухо консерваторамъ“ овъ говоритъ, что еще и теперь существуютъ партіи, для которыхъ самымъ желатель-

То, что сдѣлали евреи въ исторіи, Платонъ произвелъ въ философіи. По мнѣнію Ницше, Платоновская выдумка „чистаго разума“ и „абсолютнаго блага“ обезобразила веселую, вакхическую (Dionysos—Natur) жизнь грековъ, ослабила нормальную жажду могущества и тѣмъ самымъ свела стоимость жизни къ нулю“... Въдь обязанность побѣждать инстинкты—это формула упадка; какъ долго жизнь прогрессируетъ, счастье всегда находится въ соответствіи съ инстинктами“ (М. Б. № 10, стр. 54). „Изъ всѣхъ заблужденій, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, самое худшее, самое продолжительное и самое опасное было заблужденіе догматиковъ, а именно введенное Платономъ ученіе о чистомъ духѣ и добрѣ самихъ въ себѣ“... такъ какъ рассуждать о духѣ и добрѣ—значить совершенно исказить истину и отказаться отъ надежды на будущее и отъ основнаго условія жизни“ (Предисл. къ По ту стор. д. и з. стр. V). Результатомъ этихъ двухъ фактовъ—евреевъ въ исторіи и Платона въ философіи—и явилась іудейско-христіанская мораль, которая и состав-

нымъ было бы, чтобы всѣ порачьи пятились назадъ. Но никто не можетъ сдѣлаться ракомъ! Противъ этого ничего не подѣлаешь!—нужно идти *впередъ!*... можно это движеніе пріостановить и этимъ самымъ препятствіемъ запрудить, скопить вырожденіе, обострить, *ускорить* его... Ничего другаго сдѣлать нельзя“ (Помрач. Кум. 114—115). *Бѣлокурая бестія* Ницше есть мнѣ. Съ тѣхъ поръ какъ занялась заря исторической жизни, мы видимъ не бестію, а человѣка, хотя и сохранившаго въ себѣ много звѣринаго.—Даже въ фізіологическомъ отношеніи, которое въ настоящее время особенно подлежитъ разнаго рода сомнѣніямъ, человѣкъ, по заключенію такихъ ученыхъ, какъ напр. Спенсеръ, не *вырождается*, но прогрессируетъ, не смотря на то, что въ прежнее время для поддержанія расы въ цвѣтущемъ состояніи не щадили ни хилыхъ дѣтей, ни страдающихъ разными болѣзнями стариковъ, тогда какъ нынѣ тѣ и другіе составляютъ предметъ особенныхъ заботъ и попеченій со стороны общества. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ нынѣшніе дикари, напр. зулусы, готтентоты, лопари и др., не тронутые еще современной цивилизаціей, представляющіе собою сохранившіеся остатки первобытныхъ типовъ человѣчества, въ отношеніи совершенства фізической организаціи могутъ выдержать сравненіе съ представителями цивилизованныхъ расъ? Вопреки господствующему въ наше время мнѣнію, будто въ нашей расѣ замѣчается уменьшеніе человѣческихъ размѣровъ и силы, указанный ученый заявляетъ, что *въ дѣйствительности* вообще наблюдается увеличеніе, чему доказательствомъ являются кости, муміи, латы и наблюденія путешественниковъ, близко соприкасавшихся съ первобытными обитателями (М. Б. № 11 стр. 66).

ляетъ главную причину современнаго вырожденія чело-вѣчества. Не мудрено, что противъ нея Ницше направляетъ весь ядъ своихъ стрѣлъ и самъ себя откровенно называетъ „имморалистомъ и антихристомъ“, какъ бы кичась этими наименованіями.

Но въ чемъ же именно Ницше видитъ смертный грѣхъ христіанской морали,—грѣхъ, приведшій чело-вѣчество къ современному нравственному и физическому упадку и даже совершенному вырожденію? Единственно въ томъ, что именно христіанская мораль, по его мнѣнію, первѣе всего обезличиваетъ чело-вѣка и обращаетъ его яко бы въ простое *стадное* животное. „Что прежде всего полезно общинѣ, стаду, то и бываетъ высшею мѣркою цѣнности всѣхъ отдѣльныхъ людей. Въ морали заключается для индивидуума руководство къ тому, чтобы быть функціей стада и придавать себѣ цѣну только какъ такой функціи... По общему признанію, личность, я, должна отречься отъ себя, пока она въ формѣ приспособленія къ цѣлому, не найдетъ снова своего прочнаго круга правъ и обязанностей, пока она не станетъ чѣмъ-то новымъ и инымъ. Люди стремятся,—сознаютъ ли они это или нѣтъ,—не къ чему иному, какъ къ *коренному преобразованію, даже ослабленію и устраненію индивидуума*. Отсюда боязнь предъ индивидуальностію и предъ тою опасностію, которую представляетъ индивидуальность для спокойнаго теченія жизни. Возвышенный и независимый складъ ума и духа, стремленіе быть и стоять одинокимъ, даже большой умъ—начинаетъ считаться чѣмъ-то опаснымъ; все, что возвышаетъ индивидуума надъ стадомъ и внушаетъ страхъ ближнему, начинаетъ называться злымъ; умѣренное, скромное, подчиняющееся, уравнивающее себя настроеніе, *посредственность* страстей—пріобрѣтаетъ нравственную честь и славу (Преобр. Вопросы ф—и и п—гii стр. 138—139)“. Такая-то мораль и заключаетъ въ себѣ великую опасность для чело-вѣчества, такъ какъ ведетъ къ измельчанію чело-вѣческой природы, и картина этого измельчанія, какъ мы видѣли, производитъ въ Ницше великое сокрушеніе духа и даже положительный вопль. „Нѣтъ скорби, повторимъ мы его слова, которая была бы такъ чувствительна, какъ видѣть хоть разъ, угадать и почувствовать, какъ необыкновенный чело-вѣкъ сходитъ съ своего пути, выражается“. (ibid. стр. 143).

III.

Уже изъ этого краткаго изложенія философскихъ воззрѣній Ницше мы можемъ видѣть, куда клоняется его симпатіи и антипатіи, на чемъ онъ можетъ построить и дѣйствительно построаетъ собственные свои идеалы, которые, по его мнѣнію, могли бы избавить человѣчество отъ его настоящаго жалкаго состоянія и сообщить человѣческой природѣ настоящую красоту и дѣйствительное ея величіе. Если *рабская* мораль состраданія и любви къ ближнему содѣйствовала пониженію жизнеспособности природы человѣка, обратила его въ *стадное животное* и лишила его возможности раскрыть и проявить свою индивидуальную красоту и величіе, опутавши его всевозможными цѣпями, то само собою понятно, — гдѣ человѣкъ, по мнѣнію Ницше, долженъ искать своего избавленія и спасенія. Человѣческая природа унижена, обезличена, сведена къ роли стаднаго животнаго, — нужно сообщить ей принадлежащее ей могущество и великолѣпіе. Этому пониженію способствовала альтруистическая мораль, — ее нужно отвергнуть. Человѣкъ опутанъ всевозможными моральными предразсудками, — нужно разорвать эти цѣпи и возвратитъ ему абсолютную свободу. Тогда-то и наступитъ настоящее дѣйствительное освобожденіе человѣка. Эти заключенія и выводы вводятъ насъ въ ту область, гдѣ скрывается завѣтная мечта Ницше, гдѣ онъ рисуетъ намъ свои идеалы будущаго. Что же это за мечты, что за идеалы?

Мы знаемъ уже, какіе неистовые восторги вызываетъ у него такъ называемая имъ „бѣлокурая бестія“, великолѣпная, жаждающая добычи и побѣды, сильная, храбрая, жестокая раса, не уступающая по своимъ инстинктамъ хищнымъ звѣрямъ, — кровожадная, чувственная, властолюбивая, ищущая опасностей и наслажденій, какъ случая, гдѣ она могла бы употребить свою бьющую ключемъ жизненную силу. Какъ раса побѣдоносная, она была законодательницею и создала *господскую* мораль. Но къ великому прискорбію Ницше, она должна была уступить мѣсто рабской морали, господствующей и до сего времени. И только по временамъ на фонѣ исторіи вспыхивали, какъ блуждающіе огоньки, историческіе эпохи и отдѣльные типы. „Послѣднимъ великимъ време-

немъ“ Ницше считаетъ эпоху возрожденія и съ благоговѣнїемъ останавливается предъ личностію Цезаря Борджіа, не щадя никакихъ красоть для возвеличенія этого злодѣя, насильника, предателя и развратника. Не скрываетъ Ницше своихъ симпатій къ непобѣдимому ордену ассасиновъ, „ордену свободныхъ мыслителей *par excellence*, низшая степень котораго жила въ повиновеніи невиданномъ ни въ какомъ орденѣ, высшая же держалась лозунга: нѣтъ истины, все позволительно“ (М. Б. № 11 стр. 70). Изъ новѣйшихъ героев воплощеніе сверхчеловѣчности Ницше видитъ въ Наполеонѣ,—этомъ синтезѣ безчеловѣчности. Итакъ, особенный восторгъ вызывается у Ницше необузданностію инстинктовъ человѣческой природы, для удовлетворенія которыхъ дозволено идти даже путемъ крови и крайняго разврата. Въ современномъ обществѣ Ницше, конечно, не находитъ представителей подобнаго типа, — ихъ, по его мнѣнію, можно встрѣтить развѣ на войнѣ и—между преступниками. Ницше не дожилъ до нашихъ печальныхъ дней, которые несомнѣнно наполнили бы его чувствомъ удовлетворенія при видѣ образа дѣйствій „просвѣщенныхъ мореплавателей“, попирающихъ въ отношеніи къ своимъ противникамъ всякія — и божескія и человѣческія—права и потому могущихъ быть яркими представителями „великолѣпной бѣлокурой бестіи“.

Но войдемъ въ болѣе подробное разъясненіе того,—какимъ образомъ Ницше пришелъ къ мысли, что въ указанныхъ выше типахъ человѣчества слѣдуетъ видѣть истинныхъ представителей человѣческой природы и, такъ сказать, теоретически обосновать свои симпатіи къ „бѣлокурой бестіи“, и какія задачи онъ ставитъ человѣку по отношенію къ позднѣйшей судьбѣ его.

Обязанности, — какія бы ни были они, — могутъ вытекать для человѣка только изъ единой, свободно и добровольно признанной цѣли; иначе эти обязанности будутъ состоять въ рабскомъ поклоненіи предъ чуждымъ положительнымъ закономъ. Но *пока* такой цѣли, по мнѣнію Ницше, нѣтъ. „Ранѣе, говоритъ Заратустра, существовала тысяча цѣлей, ибо существовали тысячи народовъ. Не достаетъ только тысячи оковъ для тысячи головъ, не достаетъ единой цѣли. Человѣчество не имѣетъ еще никакой цѣли“ (такъ говор. Зарат. стр. 62). Поэтому-то „многое, что, по мнѣнію одного

народа, хорошо, у другаго называется насмѣшкой и позоромъ: такъ нашель я. Многое нашель я, что здѣсь называютъ дурнымъ, а тамъ наряжаютъ въ пурпуръ. Никогда не понималъ одинъ сосѣдъ другаго: постоянно душа его изумлялась заблужденію и злобѣ сосѣда“ (ibid стр. 60). Но если у человѣчества нѣтъ еще единой цѣли, которая давала бы смыслъ его существованію, то могутъ ли возникать для индивидуума какія либо обязанности, стѣсняющія его свободу? Можно ли требовать отъ него подчиненія какому либо внѣ его существующему закону и авторитету? Вѣдь *личность* есть начало и конецъ человѣчества, а „ослабленная, тощая, угасшая, сама себя отрицающая и отказывающаяся отъ себя личность больше ни на что хорошее не годится“. Поэтому „мы лучше всего сдѣлаемъ, говорить Ницше, если до построения новыхъ идеаловъ жизни и дѣятельности, въ это междуцарствіе станемъ своими собственными царями“ (Преобр. Вопр. ф-и и п-ги стр. 145). „Мы сами предъ собою отвѣчаемъ за свою жизнь, — будемъ же настоящими кормчими этой жизни и не дадимъ ей уподобиться бессмысленной случайности (ibid) ...Будемъ *своими собственными экспериментами* и своими собственными творцами. Высокая задача—выработать изъ себя цѣльную законченную индивидуальность, дать *стиль* своему характеру, дать художественное проявленіе своей личности—въ познаніи и любви, и въ созерцаніи и дѣйствованіи. Великое дѣло—стать самимъ собою и въ себѣ самомъ найти себѣ удовлетвореніе: кто въ себѣ не находитъ довольства, тотъ всегда готовъ отмстить за это другимъ; другіе станутъ его жертвами, хотя бы потому только, что имъ придется выносить его отвратительный видъ; ибо видъ отвратительнаго человѣка дѣлать насъ дурными и мрачными“ (ibid). Такимъ образомъ личность у Ницше (въ противорѣчіе его детерминизму) есть нѣчто самодовлѣющее, она есть центръ тяжести въ себѣ самой; она ни передъ кѣмъ не отвѣтственна; она есть безусловный владыка самой себя, и только то, что она сдѣлала во имя свое, имѣетъ настоящую цѣнность. При этомъ нечего смущаться, какого рода будетъ эта дѣятельность—добра или зла, нравственна или безнравственна;—ея цѣнность опредѣляется только тѣмъ, — на сколько она заключаетъ въ себѣ честности и искренности, подлинности и неподдѣльности въ добромъ и зломъ. „Есть

много людей, которые могли бы беззаботно отдаться своимъ впечатлѣніямъ, но не дѣлаютъ этого изъ страха предъ воображаемымъ злымъ характеромъ этихъ влеченій. Поэтому-то между людьми такъ рѣдко можно встрѣтить душевной аристократизмъ, признакомъ котораго всегда будетъ — не бояться себя, не ожидать отъ себя ничего позорнаго, безъ колебаній летѣть туда, куда насъ тянетъ,—насъ, свободно рожденныхъ птицъ,—вѣря, что куда бы мы не прилетѣли, кругомъ насъ будетъ свобода и солнечный свѣтъ“ (ibid стр. 146). Поэтому каждый индивидуумъ, въ силу означенной автономіи своей воли, можетъ сообщить смыслъ своей дѣятельности, поставивши ей высокую благородную цѣль. Человѣкъ „неисчерпаемъ для величайшихъ возможностей“, и кто знаетъ, что только можно было бы выростить изъ человѣка при благопріятномъ сосредоточеніи и напряженіи силъ. Но главною цѣлію человѣческой дѣятельности должно быть возвышеніе, усиленіе и облагороженіе человѣческой личности, возможно высокое могущество и великолѣпіе человѣческаго типа и человѣческой культуры. Имѣть лучшей цѣли жизни, какъ погибнуть по великомъ и невозможномъ.“ Не золотой вѣкъ и не безоблачное небо будетъ удѣломъ грядущаго поколѣнія; и не будетъ сверхчеловѣческая доброта и справедливость, словно неподвижная радуга, простираться надъ полемъ этого будущаго. Быть можетъ, то поколѣніе въ общемъ будетъ казаться даже злѣе чѣмъ нынѣшнее, ибо оно будетъ откровеннѣе и въ дурномъ и въ хорошемъ; быть можетъ даже, еслибы душа его высказалась когда нибудь полнымъ, нестѣсеннымъ звукомъ, она потрясла и испугала бы наши души, подобно тому, какъ еслибы вдругъ раздался голосъ какого нибудь скрытаго доселѣ злаго духа природы. И все таки, говоритъ Ницше, нужно сознаться, что страсть лучше, чѣмъ стоицизмъ и ханжество, что быть честнымъ, искреннимъ даже въ зломъ лучше, чѣмъ преклоняться предъ традиціонною нравственностію; что свободный человѣкъ можетъ быть и добрымъ и злымъ, а несвободный человѣкъ есть позоръ природы и не имѣетъ части ни въ какомъ—ни небесномъ, ни земномъ — утѣшеніи, и что всякій, кто желаетъ быть свободнымъ, долженъ сдѣлаться такимъ собственными усиліями, ибо ни къ кому свобода не можетъ упасть съ неба, словно чудный даръ, (ibid. стр. 147—148).

Равнымъ образомъ не страданіемъ и удовольствіемъ опредѣляются для человѣка конечныя перспективы жизни. Человѣкъ—самое мужественное, самое привычное къ страданіямъ животное,—отрицаетъ не страданіе *само по себѣ*: онъ хочетъ его, онъ самъ ищетъ его, если только ему укажутъ *смыслъ* его и *цѣль*. Не страданіе само по себѣ возмутительно, а его бессмысленность... И не къ счастью направлены самыя глубокія стремленія человѣка; если у него есть цѣль жизни, то онъ мирится съ какимъ угодно образомъ жизни“ (ibid. стр. 154). Поэтому предъ высшею задачею развитія человѣческаго типа и сообщенія ему наибольшей мощи и великолѣпія, возвышенія и облагороженія человѣческой природы, какъ тѣлесной, такъ и духовной блѣднѣютъ проблемы счастья и покоя жизни *своей и чужой*; такому идеалу *стоитъ* принести въ жертву *себя и другаго*, и стремленіе къ нему обосновываетъ и освящаетъ право человѣка на другаго человѣка: „Узкая, низменная, мѣщанская мораль,—говоритъ Ницше,—смотрѣтъ прежде всего на ближайшія и самыя непосредственныя послѣдствія нашихъ бѣдствій для другихъ, и съ ними сообразовать наши рѣшенія. Выше и свободнѣе—смотрѣтъ *мимо* этихъ ближайшихъ послѣдствій для другихъ и способствовать осуществленію болѣе отдаленныхъ цѣлей, въ случаѣ нужды — *даже путемъ страданія другихъ*. Развѣ мы не можемъ обращаться съ ближнимъ по крайней мѣрѣ такъ, какъ мы обращаемся сами съ собой? И если мы не думаемъ такъ узко и низменно, когда дѣло идетъ о насъ, почему мы должны думать такъ, когда дѣло идетъ о другомъ? Допустимъ, что мы стремимся пожертвовать собой; что можетъ намъ запретить пожертвовать вмѣстѣ съ тѣмъ и ближнимъ—такъ какъ дѣлало доселѣ государство, принося одного гражданина въ жертву другаго „ради общихъ интересовъ“. И у насъ есть общіе и, можетъ быть, болѣе общіе интересы: почему же не могутъ быть принесены въ жертву будущимъ поколѣніямъ отдѣльные индивидуумы изъ нынѣшнихъ поколѣній, такъ что ихъ горе, ихъ безпокойство, ихъ отчаяніе, ихъ неудачи и крики страха оказались бы необходимыми, потому что новый плугъ долженъ взрыть почву и сдѣлать ее плодородною для всѣхъ“ (ibid. стр. 153).

Но не всѣ люди могутъ способствовать осуществленію этой великой цѣли: „человѣкъ не равенъ человѣку... „Все-

общее равенство“ есть конецъ справедливости: истинный голосъ ея требуетъ отдавать равному равное, неравному неравное, и неравнаго никогда не дѣлать равнымъ“ (ibid. стр. 150); поэтому то, что справедливо для одного, то не можетъ быть справедливо для другаго, и требованіе одной морали для всѣхъ будетъ нарушеніемъ справедливости именно по отношенію къ людямъ высшимъ по цѣнности. Вышею несправедливостію будетъ, если жизнь развитая менѣе всего, уже, бѣднѣе, зачаточнѣе,—тѣмъ не менѣе станетъ ставить себя какъ цѣль и мѣру вещей и въ интересахъ своего сохраненія подкапывать и колебать болѣе высокое, великое и богатое... Высшее не должно унижать себя до орудія низшаго; *чувство разстоянія* (Pathos Distanz) должно на всѣ вѣка разграничивать и отдѣлять *задачи* людей. Высшіе люди имѣютъ въ тысячу разъ болѣе правъ на существованіе; это право—преимущество колокола съ полнымъ звукомъ предъ колоколомъ надтреснутымъ и разстроеннымъ; въ нихъ однихъ—*залогъ будущаго*; что они одни должны дѣлать, того не могутъ, не должны дѣлать люди низшіе; а чтобы они могли свершить то, что они должны,—они не могутъ становиться слугами и орудіями людей низшихъ... Безумною расточительностію было бы дѣлать здороваго орудіемъ больнаго, или генія—орудіемъ массы“ (ibid. стр. 150). Поэтому Ницше относится въ высшей степени презрительно къ большинству, къ подавляющей массѣ человѣчества, къ толпѣ, гдѣ господствуютъ субъекты безъ собственной воли и мысли, прячущіеся за чужія мнѣнія, неспособные ни къ широкимъ интересамъ, ни къ возвышеннымъ настроеніямъ, ни къ высокимъ подвигамъ, равнодушные къ добру и злу.... не въ нихъ надежда, гордость и счастье человѣчества! Напротивъ преобладаніе такихъ людей и господство массы неизбѣжно клонится именно къ вытѣсненію наиболѣе оригинальныхъ, выдающихся, рѣдкихъ и цѣнныхъ людей, т. е. такихъ людей, на которыхъ основывается вся надежда на возвышеніе и облагороженіе человѣчества (ibid. стр. 150); поэтому своимъ ученикамъ Заратустра рекомендуетъ уходить въ уединеніе отъ этихъ базарныхъ мухъ, т. е. людей толпы. „Все великое, говоритъ онъ, удаляется въ сторону отъ рынка и славы... ты жилъ слишкомъ близко отъ маленькихъ и несчастныхъ! Бѣги отъ ихъ невидимой мести! противъ тебя они суть ни-

что иное, какъ мечь. Не поднимай больше руки противъ нихъ! Они безчисленны, и не твоя задача служить мятежной для мухъ. Безчисленны эти маленькіе и несчастные; и не для одного гордаго зданія дождевыя капли и плевелы послужили причинойъ къ гибели... ты слишкомъ гордъ для того, чтобы убивать этихъ лакомокъ. Будучи кроткимъ и справедливымъ, ты говоришь: „невинны они въ своемъ маленькомъ существованіи“. Но ихъ узкая душа думаетъ: „Виновно всякое великое существованіе“. — Да, мой другъ, нечистой совѣстью являешься ты для ближнихъ своихъ: ибо они недостойны тебя. Такъ ненавидятъ они тебя, и охотно насосались бы твоей крови“ (такъ говор. Зарот. стр. 53—55).

Но если люди не равны между собою и только незначительное меньшинство способно содѣйствовать достиженію великой цѣли человѣчества стать по ту сторону добра и зла и съ мужественнымъ самоотверженіемъ бороться со всѣми препятствіями и случайностями; то общество можетъ существовать не ради общества, но лишь въ качествѣ фундамента и подмостковъ, на которыхъ могъ бы подняться болѣе сильный и изысканный рядъ существъ къ своей высшей задачѣ и вообще къ высшему существованію, подобно тѣмъ жаднымъ до солнца и стремящимся къ нему вьющимся ростеніямъ на о-вѣ Явѣ (они называются *Lipo Matodor*), которыя своими вѣтвями обнимаютъ и обвиваютъ дубъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ, высоко поднявшись надъ нимъ, но опираясь на него, они въ свободномъ свѣтѣ не распустятъ своего вѣнца, гордясь своею красотой и счастіемъ... Назначеніе этихъ избранниковъ быть не функцией общества, но его *смысломъ* и высшимъ оправданіемъ; въ этомъ сознаніи они съ чистою совѣстію могутъ принять жертву безчисленнаго множества людей, которые *ради нихъ* должны быть обречены на не полное существованіе и низведены на степень рабовъ и орудій“ (преобр. Вопр. ф. и п. стр. 151—152).

Итакъ, судьбы человѣчества покоятся, по воззрѣніямъ Ницше, въ рукахъ немногихъ избранниковъ, которые способны къ достиженію высшей цѣли — созданію наивысшаго типа человѣческой природы,—только одни способны содѣйствовать воплощенію великой идеи—произвестъ и воспитать

сверхчеловѣка. Громадное же большинство представляет собою подставки, арену для этихъ избранниковъ, которые развиваютъ на ней свою творческую дѣятельность по тѣмъ законамъ и цѣлямъ, какія найдетъ возможными и наилучшими ихъ собственная воля.

(Окончаніе слѣдуетъ).

С. Левитскій.

1901 года
30 Марта.
